

Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 3 (114). С. 103–111.
Cherepovets State University Bulletin, 2023, no. 3 (114), pp. 103–111.

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-3-114-9>

Таинственная *сте(и)нь* в системе традиционных мифологических представлений жителей Белозерья

Елена Николаевна Ильина

Вологодский государственный университет,

Вологда, Россия

filfak@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>

Аннотация. Статья посвящена проблеме верификации речевого материала, собранного в диалектологических экспедициях на территории исторического Белозерья, в частности, текстов бытовой несказочной прозы, описывающих действия персонажей народной демонологии. Объектом исследования становится выражение *сте(и)нь* (на кого-то) *падает / пала / легла*. Предметом анализа является семантика этого выражения, а также внутренняя форма существительного, уточнение которой позволит скорректировать лексикографическое описание данного выражения в региональных толковых словарях.

Ключевые слова: диалектология, севернорусские говоры, мифологическая лексика, региональная лексикография

Для цитирования: Ильина Е. Н. Таинственная *сте(и)нь* в системе традиционных мифологических представлений жителей Белозерья // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. № 3 (114). С. 103–111. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-3-114-9>.

Mysterious *ste(i)n'* in the system of traditional mythological representations of the Belozerye inhabitants

Elena N. Pyina

Vologda State University,

Vologda, Russia

filfak@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>

Abstract. The article focuses on verifying the speech material collected during dialectological expeditions on the territory of the historical Belozerye, in particular, texts of everyday non-fairy tale prose describing the characters' actions in folk demonology. The object of the study is the expression *ste(i)n'* (*na kogo-to*) *padaet / pala / legla*. The subject of analysis is the semantics of this expression, as well as the internal form of the noun, exact definition of which will allow us to correct the lexicographic description of this expression in regional explanatory dictionaries.

Keywords: dialectology, northern Russian dialects, mythological vocabulary, regional lexicography.

For citation: Plyina E. N. Mysterious *ste(i)n'* in the system of traditional mythological representations of the Belozerye inhabitants. *Cherepovets State University Bulletin*, 2023, no. 3 (114), pp. 103–111. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-3-114-9>.

Введение

Проблематику данной статьи определили исследования корпуса текстов бытовой несказочной прозы, записанных нами в диалектологических экспедициях 1988–2022 гг. на территории Кирилловского района Вологодской области. В практике работы по программе Лексического атласа русских народных говоров (ЛЯРНГ), предназначенной для изучения традиционной духовной культуры, мы записывали устные рассказы информантов о встрече с различными персонажами народной демонологии – *лешим, домовым, банным, овинным хозяевами* и проч. Один из таких сюжетов и стал объектом нашего внимания: он описывает состояние ночного кошмара, при котором спящий, осознавая происходящее вокруг, теряет возможность физически на него реагировать, утрачивает возможность движения и речи. Отправной точкой наших рассуждений стал один из наиболее полных вариантов реализации этого сюжета, записанный со слов сельской учительницы Анны Алексеевны Шабровой, 1911 года рождения.

– Бабушка, говорят, что тень давит. Это как?

– А давит. Мне то́же, было со мной, было так. Приехала я в Зыбоиновскую школу. Отвели мне комнату, вот такую маленькую. Но ничё не предупредили. А потом уж, я догадалась, што мне на спине лежать и руки за голову нельзя. Это не тень давит, а стинь какая-то падает на человека. Ну вот, все спали верху, я одна унизу. Они на вышке все спали, а я одна в комнате спала, не боялась. Ну, легла я спать. Долго ль, коротко ли спала. Очнулась – ни рукой, ни ногой. Расветало, светло. Хоть бы ногой могла пошевелить. А я слышала, што, если рукой хоть маленько пошевелить иль кто-нить до тебя дотронулся, ты бы и ожил. Ну как мёртвая лежу, как мёртвая – ничево не чувствую ничё, ни сказать ничево. Всё, умерла. Потом не знаю как я очувствовалась. Или кто на меня, мол, муха села или чё ли и как-то пошевелилась и очувствовалась. Потом приходит Анна Даниловна. Это хозяйка. Я ей говорю: «Анна Даниловна, со мной сёдня ночью беда была». – «Какая?». А я говорю: «Я была мёртвая». А это, говорит, стинь на тебя легла. На Анну, говорит, Ивановну, здесь учительница до меня была, то́же она спала, говорит, а на неё вместе то́же была. Да, говорит, кто-то зашёл, да её начали будить чё-то – она как мёртвая была. Ну, дак я говорю: я дак не помню как я очувствовалась. Видно, говорит, не судьба тебе умирать. Вот мне чевó сказала Анна Даниловна. Ну, в общем, мёртвая совсём была. Ни рукой, ни ногой – ничём не чувствую, только ображаю, што я лежу. А што подняться ли, руку поднять ли, ногу ли – ничево не поднать.

– Это как называется?

– *Это стинь, говорят, пала на человека. Ну, в общем, мёртвый человек был. Совсем всё останáвливалось. Сознáние б́ыло, но не могу́ пошевелить-то ничём, ни сказа́ть ничево́*¹.

Анализируя сочетание вопросов собирателя и ответов информанта, мы можем сделать вывод, что рассказчик определяет описываемое состояние предикативной конструкцией *стинь* (на кого-то) *падает / пала / легла*, внутренняя форма которой предполагает активность некоего мифологического персонажа (информант уточняет его название: не *тень*, а *стинь*)². Соответственно в данной статье мы предполагаем, во-первых, определить, о каком именно персонаже народной демонологии идёт речь в данном тексте, во-вторых, охарактеризовать внутреннюю форму его названия, а в-третьих, прокомментировать представление этого предикативного сочетания в лексикографических источниках.

Основная часть

Анализируя записи текстов, в которых воспроизводится интересующее нас сочетание *стинь* (на кого-то) *падает / пала / легла*, мы могли убедиться, что все они практически одинаково характеризуют состояние тяжести, удущья во время сна, вызванное вредоносным действием мифологического персонажа. Одним из первых в русской лексикографической традиции этого персонажа упоминает В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» при описании слов *стгнь* и *постгнь*, называющих, по его определению, ‘домового, домашнюю нежить’³, ‘дедушку, домовика, домового, хозяина’⁴. Причинение неудобства, вреда во сне, как одну из характерных функций *домового* определяет большинство исследователей славянской народной демонологии⁵, что определяет среди его названий либо отглагольные образования, связанные с характерным действием персонажа – *гнетко*, *гнетуха* и др.,⁶ либо сближающие его с *тенью*, «заместителем человека, его мифологи-

¹ Народная речь Вологодского края. Говоры Кирилловского района Вологодской области / Н. А. Волкова и др. Вологда: Вологодский государственный педагогический университет, 2014. С. 89–90.

² Вариантность написания данного слова будет прокомментирована в заключительной части статьи.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского словаря: в 4 т. Т. 4. Москва: Русский язык, 1980. С. 351.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского словаря: в 4 т. Т. 3. Москва: Русский язык, 1979. С. 348; В говорах Белозерья действия этого персонажа подробно описывает также М. К. Герасимов: *Постен* (от слов *тень по стене* или *по стене тень*) ‘нечистый дух, живущий в избе на полотах. Иногда во сне наваливается на человека’ [Герасимов М. К. Словарь уездного череповецкого говора // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Том LXXXVII. № 3. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1910. С. 67–68].

⁵ Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Ленинград: Ленинградский государственный университет, 1983. 169 с.; Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифоритуальные традиции славян. Москва: Индрик, 2000. 432 с.; Померанцева Э. В. Рассказы о домовом // Мифологические персонажи в русском фольклоре. Москва: Наука, 1975. С. 92–117; и др.

⁶ Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Ленинград: Ленинградский государственный университет, 1983. С. 23; Якушевич И. В., Ивашинина Н. С. Типология и

чекским двойником»¹: *пастен, пастень², постень³, стень / стинь⁴* и др. Однако в архиве устных рассказов, записанных со слов А. А. Шабровой, избобилующем сюжетами о встрече человека с чем-либо, не поддающимся рациональному объяснению (чудесные явления христианских святых, описания действий сверхъестественных существ – *домового, банника, лешего* и др., рассказы о знахарских манипуляциях, святочных гаданиях и проч.), интересующий нас сюжет представлен обособленно: нечистый дух, который наваливается на человека и давит его во сне, – это *не тень* (*Это не тень давит, а стинь какая-то падаёт на человека*)⁵ и не *домовой*, который, судя по записанным в данной местности рассказам, преимущественно является хранителем благополучия семьи: *Есть домовой хозяин, у ёо хозяйка есть и робята – вот как у настоящиёо хозяина жена да сколько робёнков, столько и у домового. Он чёо делает? Ну, присматривает, чтобы путнё сибя вели, не зимогорили, обряжались вовремя, не ругались, всяко <...> Дом когда строили, дак домового приглашали на житьё из старой избы* (запись 1997 г.)⁶. Вполне вероятно, что в системе локальных представлений о сверхъестественных существах *стинь* обретает самостоятельность: изначально амбивалентный в своих характеристиках образ *домового* разделился на положительного (*домовой хозяин*) и отрицательного (*гнетко, пастень, постен, стинь* и проч.) персонажей. Такое мнение уже было высказано ранее Е. В. Пурицкой, исследовавшей речевой материал западных средне- и севернорусских диалектов⁷ и обратившей внимание на то, что расщепление образа *домового* как относительно поздняя мифологическая инновация фиксируется также на южно- и среднерусских территориях⁸. Таким образом, интересующее нас выражение *стинь*

символические значения номинаций *домового* в русских народных говорах // Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 126; и др.

¹ Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей редакцией Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 1995 – 2012. Т. 5. 2012. С. 262.

² Словарь русских народных говоров: в 49 т. / научные редакторы Ф. П. Филин, Ф. П. Соколов, С. А. Мызников. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965 – 2016. Т. 25. 1990. С. 262–263.

³ Словарь русских народных говоров: в 49 т. / научные редакторы Ф. П. Филин, Ф. П. Соколов, С. А. Мызников. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2016. Т. 30. 1996. С. 225.

⁴ Словарь русских народных говоров: в 49 т. / научные редакторы Ф. П. Филин, Ф. П. Соколов, С. А. Мызников. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2016. Т. 41. 2007. С. 136–137.

⁵ *Тень* как самостоятельный мифологический персонаж, наваливающийся на людей во время их сна, обнаруживается в традициях южных славян [Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей редакцией Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 1995–2012. Т. 5. 2012. С. 264].

⁶ Однако эта функция *домового* активно упоминается в текстах, записанных на территориях Новгородской, Архангельской областей и в Карелии [Черепанова, 1996: 24–29].

⁷ Пурицкая Е. В. Варьирование диалектного слова и древнейшие мифологические представления (*пастен / постен*) // Севернорусские говоры. Вып. 15. Санкт-Петербург, 2016. С. 347.

⁸ Титова О. Ю. К вопросу о мифологических персонажах русских Центрального Черноземья (XIX – начала XXI вв.) // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 130; Любова Е. Ю.

(на кого-то) *падает / пала / легла* изначально связано с действиями мифологического персонажа, враждебно настроенного по отношению к людям. Из записанного нами рассказа можно получить контекстуальную информацию о том, что вредоносные действия, по всей вероятности, обусловлены появлением в доме постороннего человека (*А это, говорит, стинь на тебя легла. На Анну, говорит, Ивάνовну, здесь учительница до меня была, тоже она спала, говорит, а на неё месте тоже была*), приурочены к конкретному месту в доме (*Они на вѣшке все спали, а я одна в комнате спала, не боялась*), для их прекращения от человека или по отношению к нему требуется совершение неких физических действий (*А я слышала, што, если рукой хоть малѣнько пошевелить иль кто-нить до тебя дотронулся, ты бы и ожилá*), описываемое состояние может привести к фатальным последствиям (*Ну, дак я говорю: я дак не помню как я почувствовалась. Видно, говорит, не судьба тебе умирать*)¹. Однако ни внешний облик, ни повадки этого персонажа нашими информантами не конкретизируются, в отличие, например, от его описаний на других территориях: *Меня домовой-то раз выдавил. Он вот так навалится, и ты не можешьдохнуть, не можешь пальцем пошевелить. Вот говорят некоторые, он трогает. Он иногда бывает, если голое, голый, как человек, это к плохому давит, а если мохнатенький, как кошечка, это к хорошему давит. А я-то... Он меня давил, давно это было, навалился, ядохнуть не могу ничего, ан, слышу, говорит: «Вот как тебе будет тяжело жить, вот как будет тяжело»* (Арх., Пин., Засурье, 1985)². В записанных со слов наших информантов рассказах воспроизводится одна и та же грамматическая структура: называется субъект действия (*стинь*) в сочетании с глаголом движения, осуществляемого в настоящем (*падает*) или в прошлом (*пала, легла*), и с указанием на адресата действия (*на человека, на тебя* и др.). В отличие от номинаций мифологического персонажа, генетически связанных с образом *домового* (*гнеток, постен* и др.) и поэтому обнаруживающих соотносительность с мужским полом, – *стинь* контекстуально определяется как существительное женского рода (*стинь какáя-то пáдает на челове́ка, стинь на тебя́ легла́, это стинь, говорят, пáла на челове́ка*) – возможно, на это оказала влияние традиция «женской» персонификации болезней и болезненных состояний (*кумоха, гнетуха, золотуха, огневица, повертуха, трясея* и др.)³.

Сфера «дом» как мифологический локус в говорах Нижегородской области // Научный диалог. 2016. № 4 (52). С. 23–24.

¹ Способность этого персонажа предупреждать человека о грядущих событиях, как отмечают исследователи, проявляется не слишком отчётливо и достаточно часто утрачивается в региональных лингвокультурах (Пурицкая Е. В. Варьирование диалектного слова и древнейшие мифологические представления (*пастен / постен*) // Севернорусские говоры. Вып. 15. Санкт-Петербург, 2016. С. 132; Любова Е. Ю. Сфера «дом» как мифологический локус в говорах Нижегородской области // Научный диалог. 2016. № 4 (52). С. 24; и др.).

² Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Ленинград: Ленинградский государственный университет, 1983. С. 26.

³ Меркулова В. А. Народные названия болезней (на материале русского языка), I // Этимология 1967. Москва: Наука, 1969. С. 158–172; Шаброва Е. Н. Лексика и фразеология народной медицины в современных говорах Вологодской области // Мир вологодского крестьянина в зеркале родной речи. Вологда: Вологодский государственный педагогический университет, 2004. С. 72–78; Ковригина Е. А. Семантическое поле «болезнь» в пространстве диалекта (на

Заключение

Таким образом, осмысление семантики и внутренней формы сочетания *сте(и)нь* (на кого-то) *падает / пала / легла* позволяет уточнить особенности его репрезентации в региональных толковых словарях. Учитывая весьма размытые характеристики мифологического персонажа, причиняющего вред спящему человеку, на фоне весьма устойчивого, системного описания вызываемого этим персонажем физиологического состояния человека во время сна, мы считаем вполне уместным вариант словарной дефиниции, согласно которому *сте(и)нь* является компонентом устойчивого сочетания слов и толкуется по образцу описания болезней и болезненных состояний, несмотря на то, что, как мы доказали выше, фоновые представления о мифологическом существе как причине этого состояния ещё живы в сознании диалектоносителей и эксплицируются внутренней формой толкуемого сочетания, включающего в себя именование *субъекта* и *адресата активного физического действия*. Таким образом интересующее нас сочетание слов толкуется в «Словаре вологодских говоров»: \diamond **Стень пала**. О потере способности двигаться, шевелиться. *Марья Ивановна, ночью со мной что-то сделалось, лежу и ни рук, ни ног не чувю, повернуться не могу – «Милая, дак это стинь пала. Учительница до тебя жила, дак тоже жаловалась»* [Кир. Борб].¹ и \diamond **Тень падает**. О состоянии, подобном параличу, вызванном якобы действием мифологического существа, которое «давит» по ночам. *Я слыхала, тень падает на человека, руки отнимаются, ноги отнимаются*. [Кир. Борб].² Уточнения, пожалуй, могли бы касаться введения в состав толкуемой фразеологической единицы указания на адресованность действия (*на кого-либо*) и расширения состава глаголов, эксплицирующих собственно воздействие на субъекта состояния: *падает / пала, легла*, возможно, *давит* и проч.

Другую проблему лексикографического описания данного сочетания слов составляет уточнение его заголовочной записи: *стень* или *стинь*? В пользу сохранения орфографического написания с *Е* (*стень*), во-первых, свидетельствуют, этимологические сближения данного слова с **тѣнь* и **сѣнь*³, а во-вторых, типичность изменения качества <э>, восходящего к *ѣ*, в позиции под ударением между мягкими согласными в исследуемых говорах⁴. Однако следует принять во внимание, что все словарные иллюстрации этого выражения так или иначе восходят к рассказу Анны Алексеевны Шабровой, в речи которой – при чётком произношении *стинь* – изменение качества <э> в ударной позиции в других словах не фиксируется (см. в цити-

материале архангельских говоров): дис. ... канд. филол. наук. Москва: [б. и.], 2022. 222 с.; и др.

¹ Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / научные редакторы Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1983–2007. Вып. 10. 2005. С. 127.

² Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / научные редакторы Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1983–2007. Вып. 11. 2005. С. 16. (Вероятно, контекстуальный материал словарных статей являет собой вольное и отчасти искажённое переложение записанного ранее на той же территории рассказа Анны Алексеевны Шабровой).

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Москва: Издательство Аст, 2004. Т. 3. С. 755.

⁴ Подробнее об этом см.: [Говор северной деревни, 2021: 11–15].

руемом тексте: *тень, маленько* и др.)¹. Возможно, здесь уже можно усмотреть факт лексикализации внутренней формы слова и в практике лексикографического описания данного выражения – при отсутствии других контекстуальных иллюстраций – давать несколько вариантов написания: *стень / стинь* (на кого-то) *падает / пала / легла*. Подобного рода уточнения, по нашему мнению, совершенно необходимы для дифференциального толкового словаря кирилловских говоров².

Список источников

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальные традиции славян. Москва: Индрик, 2000. 432 с.

Герасимов М. К. Словарь уездного череповецкого говора // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Том LXXXVII. № 3. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1910. 111 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского словаря: в 4 т. Т. 1–4. Москва: Русский язык, 1978–1980.

Ковригина Е. А. Семантическое поле ‘болезнь’ в пространстве диалекта (на материале архангельских говоров): дис. ... канд. филол. наук. Москва: [б. и.], 2022. 222 с.

Любова Е. Ю. Сфера «дом» как мифологический локус в говорах Нижегородской области // Научный диалог. 2016. № 4 (52). С. 23–34.

Меркулова В. А. Народные названия болезней (на материале русского языка), I // Этимология 1967. Москва: Наука, 1969. С. 158–172.

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / составитель и автор комментариев О. А. Черепанова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 1996. 212 с.

Народная речь Вологодского края. Говоры Кирилловского района Вологодской области. / Н. А. Волкова и др. Вологда: Вологодский государственный педагогический университет, 2014. 298 с.

Померанцева Э. В. Рассказы о домовом // Мифологические персонажи в русском фольклоре. Москва: Наука, 1975. С. 92–117.

Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: в 2 ч. / под редакцией И. А. Попова. Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1994.

Пурицкая Е. В. Варьирование диалектного слова и древнейшие мифологические представления (*пастен / постен*) // Севернорусские говоры. Вып. 15. Санкт-Петербург, 2016. С. 334–357.

Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни / научный редактор Е. Н. Ильина. Вологда: Вологодский государственный университет, 2021. 683 с.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общей редакцией Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 1995 – 2012.

Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / научные редакторы Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина. Вологда: Вологодский государственный педагогический институт; Вологодский государственный педагогический университет, 1983 – 2007.

¹ За исключением, пожалуй, еще названия деревни *Сиверово*, где также можно усмотреть случай лексикализации внутренней формы слова.

² Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни / научный редактор Е. Н. Ильина. Вологда: Вологодский государственный университет, 2021. С. 603.

Словарь русских народных говоров: в 49 т. / научные редакторы Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965 – 2016.

Титова О. Ю. К вопросу о мифологических персонажах русских Центрального Черноземья (XIX – начала XXI вв.) // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 116–130.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Москва: Издательство Аст, 2004.

Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Ленинград: Ленинградский государственный университет, 1983. 169 с.

Шаброва Е. Н. Лексика и фразеология народной медицины в современных говорах Вологодской области // Мир вологодского крестьянина в зеркале родной речи. Вологда: Вологодский государственный педагогический университет, 2004. С. 72–78.

Якушевич И. В., Ивашинина Н. С. Типология и символические значения номинаций домашнего в русских народных говорах // Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 122–144.

References

Cherepanova O. A. *Mifologicheskaja leksika Russkogo Severa* [Mythological vocabulary of the Russian North]. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1983. 169 p.

Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo slovaria': v 4 t. T. 1–4* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Dictionary: in 4 vol. Vol. 1–4]. Moscow: Russkij iazyk, 1978 – 1980.

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols.]. Moscow: Izdatel'stvo Ast, 2004.

Gerasimov M. K. *Slovar' uezdnogo cherepovetskogo govora* [Dictionary of Cherepovets local dialect]. *Sbornik Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk. Tom LXXXVII, no. 3* [Collection of the Russian Language and Literature Department of the Imperial Academy of Sciences. Vol. LXXXVII. No. 3]. St Petersburg: Tipografiia Imperatorskoj Akademii nauk, 1910. 111 p.

Iakushevich I. V., Ivashinina N. S. Tipologija i simvolicheskie znachenija nominatsii domovogo v russkikh narodnykh govorakh [Typology and symbolic meanings of the house spirit nominations in Russian national dialects]. *Rusistika i komparativistika* [Russian Philology and Comparative Studies], 2021, vol. XV, pp. 122–144.

Kovrigina E. A. *Semanticheskoe pole 'bolezni' v prostranstve dialekta (na materiale arkhangel'skikh govorov)* [Semantic field 'disease' in dialectal space (in Arkhangelsk dialects): Cand. thesis in Philological Sciences]. Moscow, 2022. 222 p.

Liubova E. Iu. Sfera «dom» kak mifologicheskij lokus v govorakh Nizhegorodskoj oblasti [Sphere “house” as mythological locus in dialects of Nizhny Novgorod region]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2016, no. 4 (52), pp. 23–34.

Merkulova V. A. Narodnye nazvaniia boleznei (na materiale russkogo iazyka), I [Folk nominations of diseases (by the material of the Russian language)]. *Etimologija 1967* [Etymology 1967]. Moscow: Nauka, 1969, pp. 158–172.

Mifologicheskie rasskazy i legendy Russkogo Severa [Mythological stories and legends of the Russian North; compiled and commented by O. A. Cherepanova]. St Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1996. 212 p.

Narodnaja rech' Vologodskogo kraia. Govory Kirillovskogo raiona Vologodskoi oblasti [Folk speech of Vologda region: the dialects of Kirillov district in Vologda region; ed. by N. A. Volkova, S. A. Ganicheva, Iu. N. Dracheva, E. N. Il'ina, N. G. Mel'nikova]. Vologda: Vologodskij gosudarstvennyi pedagogicheskij universitet, 2014. 298 p.

Pomerantseva E. V. Rasskazy o domovom [Tales of the house spirit]. *Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klore* [Mythological characters in Russian folklore]. Moscow: Nauka, 1975, pp. 92–117.

Programma sobiraniia svedenii dlia Leksicheskogo atlasa russkikh narodnykh govorov: v 2 ch. [Program of collecting data for the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects: in 2 parts; ed. by I. A. Popov]. St Petersburg: ILI RAN, 1994.

Puritskaia E. V. Var'irovanie dialektного слова i drevneishie mifologicheskie predstavleniia (*pasten / posten*) [Variation of dialect word and ancient mythological notions (*pasten / posten*)]. *Severorusskie govory. Vyp. 15* [North Russian dialects. Vol. 15]. St Petersburg, 2016, pp. 334–357.

Rechevaia kul'tura Belozer'ia v fokuse govora odnoi derevni [Speech culture of Belozerye in the focus of the village local dialect; ed. by E. N. Il'ina]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi universitet, 2021. 683 p.

Shabrova E. N. Leksika i frazeologiya narodnoi meditsiny v sovremennykh govorakh Vologodskoi oblasti [Lexis and phraseology of folk medicine in modern dialects of Vologda region]. *Mir vologodskogo krest'ianina v zerkale rodnoi rechichi* [The world of the Vologda peasant in the mirror of native speech]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2004, pp. 72–78.

Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t. [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary; in 5 vols; ed. by N. I. Tolstoi]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995–2012.

Slovar' russkikh narodnykh govorov. T. 1–49 [Dictionary of Russian Folk dialects; Vol. 1–49; ed. by F. P. Filin, F. P. Sorokoletov, S. A. Myznikov]. Moscow; Leningrad; St Petersburg: Nauka, 1965 – 2016.

Slovar' vologodskikh govorov. Vyp. 1–12 [Dictionary of Vologda dialects. Iss. 1–12; ed. by T. G. Panikarovskaya, L. Iu. Zorina]. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet; Rus', 1983 – 2007.

Titova O. Iu. K voprosu o mifologicheskikh personazhakh russkikh Tsentral'nogo Chernozem'ia (XIX – nachala XXI vv.) [On the issue of mythological characters of the Russians of the Central Chernozem Region (the 19th – early 20th centuries)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2014, no. 2, pp. 116–130.

Vinogradova L. N. *Narodnaia demonologiya i mifo-ritual'nye traditsii slavian* [Folk demonology and mytho-ritual traditions of the Slavs]. Moscow: Indrik, 2000. 432 p.

Сведения об авторе

Елена Николаевна Ильина – доктор филологических наук, профессор; <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>, filfak@list.ru, Вологодский государственный университет (д. 15, ул. Ленина, 160000 Вологда, Россия); **Elena N. Pyina** – Doctor of Philological Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-1797-8959>, filfak@list.ru, Vologda State University (15, ul. Lenina, 160000 Vologda, Russia).

Статья поступила в редакцию 02.03.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 04.04.2023.

The article was submitted 02.03.2023; Approved after reviewing 27.03.2023; Accepted for publication 04.04.2023.